

О "Русских женщинах" Некрасова

В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов

I

Всем нам, конечно, хорошо известна вдохновенная поэма Н. А. Некрасова о подвиге любви и самоотвержения двух "русских женщин" - княгини Екатерины Ивановны Трубецкой (урожденной графини Лаваль) и княгини Марии Николаевны Волконской (урожденной Раевской)¹. Для так называемой большой публики эта поэма является чуть ли не единственным источником сведений о женах декабристов. Правда, это художественное произведение, вопреки всяким толкам о преувеличениях, очень точно и правдиво в своих описаниях и, как увидим ниже, до некоторой степени может заменять официальные документы. Но, понятно, сообщаемые в "Русских женщинах" фактические данные слишком недостаточны; за героическими образами Трубецкой и Волконской не видно лиц других "русских женщин", последовавших за своими мужьями в неизвестную Сибирь, на каторжную жизнь и не уступавших в героизме героиням поэмы.

Жены декабристов не дождалась еще своей истории, которой они так достойны. Воспитанник декабристов доктор Н. А. Белоголовый в своих воспоминаниях ярко рисует то значение, которое должна бы иметь история этих героических женщин: "Нельзя не пожалеть, -- пишет он, -- что такие высокие и цельные по своей нравственной силе типы русских женщин, какими были жены декабристов, не нашли до сих пор ни должной оценки, ни своего Плутарха, потому что, если революционная деятельность декабристов мужей, по условиям времени, не допускает нас относиться к ним с совершенным объективизмом и историческим беспристрастием, то ничто не мешает признать в их женах такие классические образцы самоотверженной любви, самопожертвования и необычайной энергии, образцы, какими вправе гордиться страна, вырастившая их, и которые без всякого зазора и независимо всякой политической тенденциозности могли служить в женской педагогике во многих отношениях идеальными примерами для будущих поколений" {Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 31--32.}.

Было бы очень жаль, если бы жены декабристов не дождалась своего Плутарха и умерли для нас, как живые женщины своей эпохи. Они уже готовы войти в историю в обычной маске эпических героинь, для характеристики которых в историческом арсенале всегда хранится целый ряд постоянных эпитетов. Наши данные о женах декабристов, к сожалению, не только скудны и незначительны, но и односторонни. У нас слишком мало фактических сведений, и авторы воспоминаний и записок, преклоняющиеся перед подвижничеством женщин, ограничиваются искренними общими местами; они, правда, не знают, какие еще подобрать эпитеты для их самоотречения, энергии, доброты, любви, но, за крайне редкими исключениями, не дают ярких черт, которые обрисовали бы перед нами живого человека. До полнейшей абстракции в характеристике жен декабристов дошел кн. А. И. Одоевский в своем известном трогательном и красивом стихотворении "Кн. М. Н. Волконской". Когда говорят о героических женщинах, неизменно цитируют это стихотворение:

 Был край, слезам и скорби посвященный,
 Восточный край, где розовой зарей
 Луч радостный, на небе том рожденный,
 Не услаждал страдальческих очей;
 Где душен был и воздух вечно ясный,
 И узникам кров светлый докучал,
 И весь обзор обширный и прекрасный,
 Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие Провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего².

Конечно, эти стихи так выпукло рисуют все, что эти женщины сделали для декабристов, но мы не улавливаем их образов. А как раз для того, чтобы их история имела для нас то значение, о котором говорит доктор Н. А. Белоголовый, нужно, чтоб они ожили, встали перед нами, облеченные плотью и кровью.

Нас интересуют их живые лица и те глубокие психологические мотивы, которые заставили их порвать нить своей жизни и идти в неизвестность. Одни из них стремились воплотить идеалы кроткой супружеской любви и верности; для них подвиг самоотречения является в известном смысле пассивным, так как с необходимостью вытекал из обязанностей, налагаемых супружеской связью. Таковы были княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, умная и необыкновенно кроткая женщина; баронесса Анна Васильевна Розен (урожденная Малиновская); Александра Ивановна Давыдова; Елизавета Петровна Нарышкина (урожденная графиня Коновницына), нервная, болезненная и замкнутая женщина, которая чувствовала себя одинокою в ссылке; Александра Васильевна Ентальцева. К ним, кажется, нужно прибавить и Марию Казимировну Юшневскую, о которой мы почти ничего не знаем³.

Для Прасковьи Егоровны Анненковой (урожденной Гебль) и Камиллы Петровны Ивашевой (урожденной Ле-Дантю) путешествие в Сибирь было подвигом страстной любви. Одна, Ивашева, до отъезда в Сибирь, ни слова не сказала о своей любви к Ивашеву, но она буквально сгорала от любви к нему. После осуждения Ивашева она занемогла, долго болела, отказывала женихам и никому, даже матери, не говорила о своем тайном горе. Только в марте 1830 года - почти через четыре года после отправления Ивашева в Сибирь - она открыла свое сердце матери и просила разрешить ей отправиться в Сибирь.

"Могу ли я,-- говорила она,-- разделить участь человека, которого я долго любила, как брата, и которого я продолжала уважать за его несомненные достоинства, хотя несчастье и обрушилось на него по воле судьбы? Скажите, дорогая матушка, способны ли вы расстаться с дочерью, если б я хоть чем-нибудь могла утешить Базиля?"

- Я бы не поколебалась, - отвечала ей мать, - если б была уверена, что жертва моя может возвратить тебе здоровье, успокоить тебя и послужить к доставлению счастья тем, кто так его достоин. Но, милая дочь, ты любишь того, кто и не подозревает о твоём чувстве. Ты о нём думаешь, а твое присутствие, может быть, было бы ему в тягость; наконец, если б даже он и обратил внимание на твое предложение, полагаешь ли ты, что он так же готов принять его и не имеет весьма основательных причин отказаться от счастья именно из-за жертвы, на которую ты готова?"

Камилла предвидела все эти возражения и, оправдываясь в скрытности, которою упрекала ее мать, говорила ей: "Я сама считала свои надежды неосуществимыми вследствие голоса рассудка, который доказывал мне то же самое, что и вы. Но бросим разговор об этом. Если мне суждено отказаться от любимой мечты, то я постараюсь преодолеть свое

безрассудное желание. Мне ничего не нужно. Я отказываюсь от сватовства г. Санси. Я не могу выйти замуж"⁴.

История Полины Поль, дочери французского полковника George Geable, убитого в Испании гверильясами, тоже необыкновенна. 16-го мая при проезде императора Николая I через Вязьму Полина Поль подала государю прошение, в котором просила разрешения отправиться в Сибирь для вступления в брак с государственным преступником Анненковым, отцом ее дочери. Прошение ярко рисует личность Полины Поль. "Ваше величество! - писала она. - Позвольте матери припасть к стопам вашего величества и просить как милости, разрешения разделить ссылку ее гражданского супруга (époux naturel). Религия, ваша воля, государь, и закон научат нас, как исправить нашу ошибку. Я всецело жертвую собою человеку, без которого я не могу долее жить: это самое пламенное мое желание. Я была бы его законной супругою в глазах церкви и перед законом, если бы я захотела преступить правила деликатности. Я не знала о его виновности; мы соединились неразрывными узами. Для меня было достаточно его любви... Милосердие есть отличительное свойство царской семьи. Мы видим столько примеров этому в летописях России, что я осмеливаюсь надеяться, что ваше величество последуете естественному внушению своего великодушного сердца.

В ссылке я буду, ваше величество, благоговейно исполнять все ваши повеления. Мы будем благословлять священную руку, которая сохранит нам жизнь, бесспорно, весьма тяжкую! Но мы употребим все силы, чтобы наставить нашу возлюбленную дочь на путь добродетели и чести. Мы будем молить бога о том, чтобы он увенчал вас славою. Мы будем просить его, чтобы он излил на ваше величество и ваше августейшее семейство все свои благодеяния.

Соблаговолите, ваше величество, открыть ваше великое сердце состраданию, дозволив мне в виде особой милости, разделить его изгнание. Я откажусь от своего отечества и готова всецело подчиниться вашим законам. У подножия вашего престола молю на коленях об этой милости... надеюсь на нее!..."⁵

Император Николай был милостив: он не только разрешил ей ехать в Сибирь, но и приказал выдать 3000 рублей на расходы.

По сложности и тонкости духовной организации из женщин выделяются Марья Николаевна Волконская и Наталья Дмитриевна Фонвизина (урожд. Апухтина). У Волконской была неукротимая и боевая натура: для нее подневольное путешествие в Сибирь являлось подвигом борьбы. Ее очень хорошо характеризует барон Розен в своих записках: "М. Н. Волконская, молодая, стройная, более высокого, чем среднего роста, брюнетка с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с немного вздернутым носом, с гордою, но плавною походкою получила у нас прозвание "la fille du Gange", девы Ганга; она никогда не выказывала грусти, была любезна с товарищами мужа, но горда и взыскательна с комендантом и начальником острога"⁶. Она любила жизнь и брала ее с бою.

Не менее Волконской привлекательна для нас личность Н. Д. Фонвизиной, прямо противоположная ей во многих отношениях. Экзальтированная натура, мистик по своему внутреннему существу, Н. Д. Фонвизина жаждала подвига самоотречения и самоистязания. Многими чертами своего характера, поэтического и набожного, она напоминает Катерину в "Грозе". "Виды природы, тишина полей и лесов всегда на меня действуют,-- писала она. - Особенно люблю я воду! Не знаю, отчего, но, когда я вижу реки или озера, мне становится как-то тоскливо по небесной отчизне..."⁷ Ей нужен был подвиг, не тот, так другой. В юности, за год до своего замужества, она стремилась к аскетическому подвигу, и она сделала попытку бежать в мужской одежде в монастырь. "Жизнь в миру, какую все живут, этот житейский быт, показался ей смертью". Когда она вышла замуж и мужу предстояла ссылка, подвиг представился сам собой. "Как птица, вырвавшаяся из клетки, полечу я к моему возлюбленному, делить с ним бедствия и всякие скорби и соединиться с ним снова на жизнь и смерть",-- писала она о себе. Любопытно, что в жизни Н. Д. Фонвизиной был эпизод, напоминающий о пушкинской Татьяне; по крайней мере, она сама и ее друзья, среди которых был и И. И. Пущин, были убеждены, что Пушкин с нее писал Татьяну..."⁸

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без борьбы, без усилья
Выше мраков земных...

На крыльях подвига взлетела Н. Д. Фонвизина. Ее сибирская жизнь полна сложнейших, мистических переживаний. Как трогательно и грустно звучат ее признания: "Терзаюсь, страдаю - и только!.. Верно ты подумаешь: почему бы не молиться, и я так же думаю. Да ведь господь дает молитву молящемуся. Я как будто и молюсь, и сердце до краев полно, да что толку? лучше бы уж прежняя пустота, чем теснота теперешняя... Свет-то мои цветочки прежние! Прекрасные творения? божий! Как легко было бы мне любить их! Как дитя неразумное возилась с ними! И горе, и заботы, и душевные волнения исчезали при виде их и тонули в их благоухании!.. А теперь, Боже, Боже мой! И цветы бы мои все разнесло и поломала внутренним ураганом, все коверкающим, все исторгающим до корней в моей духовной области" {Данные о "женах декабристов" сгруппированы в статье М. М. Хина (Исторический вестник, 1884, No 12, с. 650--683). Здесь же дан библиографический список, который нужно пополнить следующими указаниями. Много данных рассеяно в книге А. И. Дмитриева-Мамонова "Декабристы в Западной Сибири. Очерк по официальным документам" (М., 1895) и в "Записках" С. Г. Волконского (2-е изд.: СПб., 1902). Сведения о М. Н. Волконской - в последней книге и имеющих выйти в свет ее "Записках"¹⁰, о Н. Д. Фонвизиной - в статье М. Д. Францевой "Михаил Александрович Фонвизин" (Русская старина, 1885, No 11) и в ее же "Воспоминаниях" (Исторический вестник, 1888, No 5--7), в статье "Наталья Дмитриевна Фонвизина (Из бумаг протоиерея Знаменского)" в "Литературном сборнике", изд. ред. "Восточного обозрения". Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке, под ред. Н. М. Ядринцева (СПб., 1885, с. 207--248) и, наконец, в обстоятельной статье В. И. Шенрока "Одна из жен декабристов" (Русское богатство, 1894, кн. 11 и 12); о К. П. Ивашевой в статье М. А. Веневитинова "Роман декабриста" (Русская мысль, 1885, No 10); об П. Е. Анненковой - в заметке Л. Грове на статью "Из записок Н. И. Греча" (Русский вестник, 1868, No 12, с. 703--704); в рассказах самой Анненковой (Русская старина, 1888, No 1--5), в статье "Император Николай I и семейство декабриста Ивана Александровича Анненкова" (Русская старина, 1901, No 3); о М. К. Юшневской - в "Воспоминаниях" Н. А. Белоголового [с. 34--35. - Ред.]; об А. В. Розен в некрологе (Друг женщин, 1884, No 2, с. 136--138); о Е. П. Нарышкиной в некрологе (День, 1863, No 3, и Библиотеке для чтения, 1863, No 1, с. 248).⁹

II

В дальнейшем изложении мы остановимся на одном моменте в истории жен декабристов - на отношениях к ним высшей власти. Известно, что император Николай Павлович имел непосредственный надзор над всем, что так или иначе касалось отбывающих наказание декабристов: все изменения, даже самые малейшие, в их житейском обиходе, совершались только на основании высочайших распоряжений. Перебирая все мероприятия о декабристах, совершенные по инициативе Николая Павловича, нужно признать, что он до самого конца дней своих не изменил своему отношению к ним, суровому и жестокому. До самой своей смерти император смотрел на декабристов не только как на государственных преступников, но как на своих личных врагов. В известном труде Н. К. Шильдера читаем следующие строки: "Происшествия 14-го декабря произвели на него тяжкое впечатление, отразившееся на характере правления всего последовавшего затем тридцатилетия. Укажем здесь на подходящее к разбираемым событиям явление: императору Александру I никогда не удалось одолеть прискорбное припоминание о событиях 11-го марта 1801 года, среди которых совершилось его воцарение, как преемника Павла I. К несчастью, самый факт немирного воцарения повторился снова в 1825 году, хотя и в иной форме. "Никто... не в состоянии понять ту жгучую боль, которую испытываю я и буду испытывать во всю жизнь при воспоминании об этом ужасном дне",-- признался Николай Павлович французскому послу Лаферронэ вскоре после своего воцарения"¹¹. Таким образом, "несомненно устанавливается факт, что воспоминание о мятеже 14-го декабря и связанном с ним обширном заговоре должно было оставить в уме императора Николая неизгладимые следы, от которых он действительно не мог освободиться до смертного одра" {Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. I, с. 311--312.}.

Понятно, что отношения Николая Павловича к декабристам, осложненные чисто личными переживаниями, были слишком нервны и неровны и, в первую очередь, не могли не отразиться на отношениях к их женам, представлявшим в глазах всех окружающих государя замечательный пример супружеской любви и самоотвержения. В 1851 году и Николай Павлович признал их подвижничество, сказав в разговоре: "C'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire" {"Это было проявление преданности, достойное уважения, тем более, так часто приходится наблюдать противоположное" (франц.)}. Но нужно сказать, что в 1826--1830 годах Николай Павлович сделал все возможное, чтобы убедить жен декабристов отказаться от совершения подвига. Правда, манифест, подписанный в самый день казни декабристов, кончался следующими строками: "Наконец, склоняем мы особенное внимание на положение семейств, от коих преступлением отпали родственные их члены. Во все продолжение сего дела, сострадав искренно прискорбным их чувством, мы вменяем себе долгом удостоверить их, что в глазах наших союз родства передает потомству славу деяний, предками стяжанную, но не омрачает бесчестием за личные пороки или преступления. Да не дерзнет никто вменять их по родству кому-либо в укоризну: сие запрещает закон гражданский, а более еще закон христианский". Мы увидим ниже, что само высшее начальство не последовало благому воззванию манифеста и сочувствие жен декабристов своим мужьям готово было считать преступлением.

После казни декабристов император Николай писал князю А. Н. Голицыну: "Tout est fini; restent les veuves, c'est mon cher Galitzine que je charge de ce dont vous chargerez, j'en suis bien sûr, avec plaisir; faites savoir des nouvelles delà pauvre Rilêeff et dites lui que je lui demande qu'elle dispose de moi en toute occasion et que j'espère qu'elle ne me refusera pas de m'en informer toujours de ce dont elle peut avoir besoin. De même sachez, je vous prie, ce que font la Mourawiew Nikita et la Troubetzkoy. Que Dieu soit béni de ce que tout est fini. L'on me tourmente de tous côtés: ce matin madame Konovnzine est presque entrée dans ma chambre; c'est ces femmes que je redoute le plus. Tout à vous Nicolas" {"Все кончено, остаются вдовы, мой дорогой Голицын, я занимаюсь тем, чем займетесь Вы, я делаю, разумеется, с удовольствием; узнайте для меня новости о бедной Рылеевой и скажите ей, что я прощу ее, чтобы она располагала мной в любом случае и что я надеюсь, что она не откажется постоянно извещать меня о том, в чем она нуждается. Также узнайте, я вас прошу, что делают жены Никиты Муравьева и Трубецкого. Благословен бог, что все кончилось. Меня мучают этим со всех сторон; сегодня утром мадам Коновницына¹³ почти вошла в мою спальню, именно этих женщин я опасюсь больше всего. Всегда Ваш Николай" (франц.) -- Ред.}.

Во второй половине письма речь идет о женах Муравьева, Трубецкого и Нарышкина (Коновницына - ее мать), желавших добиться разрешения последовать за мужьями в Сибирь. Из тона письма видно, как досадительны были для Николая Павловича жалобы и просьбы этих женщин. Казалось бы, о чем просить? Мужья идут в каторгу, жены следуют за ними, но Николай Павлович решительно не желал, чтобы жены шли в каторгу. Поэтому разрешения буквально "вырывались" у государя мольбами, слезами, просьбами и ходатайствами. Нельзя забывать того, что среди окружавших трон было много ближайших родственников осужденных. Но почему жены декабристов встречали такое противодействие со стороны Николая Павловича? Не думал ли он, что жены разделяют мнения мужей? О большинстве последовавших за мужьями мы положительно знаем, что до ареста мужей они ровно ничего не знали о заговоре. Правда, в одном из донесений полицейских агентов от 9 августа 1826 года находим следующее сообщение: "между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство,-- княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием для всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг" [{"Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. По донесениям агентов тайного надзора. - Ред.] - Русская старина, 1881, No 9, с. 191.}. Но столь оппозиционное настроение могло быть вызвано именно слишком суровым отношением к декабристам и их женам. Но основным мотивом в отношении к последним было присущее императору представление, что само сочувствие к лицам, исходившее хотя бы от их жен, является выражением преступного сочувствия к совершенному ими. Такое мнение подтверждается дальнейшими мероприятиями Николая Павловича.

Итак, разрешения отправиться за мужьями в Сибирь "вырывались" у Николая Павловича, но даже от уже данных разрешений находили возможным уклоняться. Положение Николая

Павловича в этом вопросе ярко характеризует эпизод с женой Якушкина. И. Д. Якушкин взял с своей жены слово, что она не поедет за ним, если только ей не дадут разрешения взять с собой и детей. А при разрешении поездки одновременно предъявлялось запрещение брать с собой детей. После усиленных просьб жена Якушкина получила от Дибича за его подписью следующую записку: "Государь император соизволил разрешить Якушкиной ехать к мужу, взяв с собой и детей своих, но при сем приказал обратить ее внимание на недостаток средств в Сибири для воспитания ее сыновей". У Якушкиной был болен сын, и она не могла выехать тотчас же. Тем временем, Анна Васильевна Розен, прослышав о полученном Якушкиной позволении, явилась к графу Бенкендорфу и, ссылаясь на прецедент, просила и ей дать разрешение взять с собой в Сибирь детей. Граф Бенкендорф решительно отказал ей и сказал, что Дибич поступил очень необдуманно, ходатайствуя за Якушкину, которая, вероятно, не получит уже из третьего отделения всего нужного для своего отправления, и потому также не поедет в Сибирь. На вопрос Розен, что было бы с Якушкиной, если бы она, получив высочайшее позволение, тотчас вместе с детьми, отправилась к мужу: в таком случае, отвечал шеф жандармов очень откровенно, ее, конечно, не вернули бы назад". Когда выздоровел ребенок Якушкиной, ей запретили воспользоваться данным раньше разрешением. В бумаге шефа жандармов было сказано, что "так как Якушкина не воспользовалась своевременно доизволением, данным женам преступников следовать за своими мужьями, и так как ее пребывание при детях более необходимо, чем пребывание с мужем, то государь император не соизволил разрешить ей ехать в Сибирь" {Из записок декабриста Якушкина. - Русский архив, 1871, No 8--9, стлб. 1603--1604, 1625.}.

Разрешения на поездку в Сибирь давались только женам и никому другому. Так сестре Бестужевых Елене Александровне в ответ на ее просьбы¹⁵ было сообщено, что "государь император, по некоторым причинам, и для собственной нашей пользы к отъезду для жительства с братьями не соизволяет" {Русская старина, 1881, No 11, с. 647. Записки М. А. Бестужева.}.

III

Каково юридическое положение женщин, последовавших за своими сосланными на каторгу мужьями? - Вот вопрос, который должен был возникнуть у лиц, власть имеющих, лишь только они удостоверились в непреклонном желании некоторых из них отправиться в Сибирь. Действующие узаконения, не предвидевшие случаев, подобных данному, не представляли речительств в том, что своею суровостью они могут остановить решившихся. "Устав о ссыльных" 1822 года определял положение жен ссыльно-каторжных в следующих статьях: "Ст. 222. Женщины, идущие по собственной воле, во все время следования не должны быть отделяемы от мужей и не подлежат строгости надзора. Они получают кормовые деньги. Ст. 231. Женщины, по собственной воле пришедшие, в случае смерти мужей, имеют свободу вступать в брак, с кем пожелают, и с ведома местного начальства остановиться там, где признают за лучшее, или возвратиться к своим родственникам без всякого препятствия. Ст. 232. Женщинам, по собственной воле пришедшим, Тобольский Приказ о ссыльных выдает особливые письменные виды".

Эти статьи показались недостаточными и "в 1826 году,-- говорит кратко и глухо официальная бумага,-- вскоре по отправлении государственных преступников в Сибирь, когда последовала туда жена преступника Трубецкого, признано было нужным принять меры к отклонению от сего намерения жен прочих подобных Трубецкому преступников". Выработка правил, которые достигли бы цели, была поручена Особому комитету, учрежденному для составления правил о содержании государственных преступников в Сибири. Так как комитет должен был считаться с действующим законодательством, которое в данном случае оказывалось недостаточным, то он избрал следующий образ действий: комитет поручил своему члену генерал-губернатору Восточной Сибири тайному советнику Лавинскому "дать от себя предписание, на законном основании составленное, иркутскому гражданскому губернатору". Но так как это предписание вышло за пределы действующего закона, то предварительно начальник штаба его величества Дибич представил его на усмотрение императора Николая Павловича. Предписание было высочайше одобрено и отправлено по адресу от имени Лавинского. Таким образом, одобренное государем, оно приобрело силу закона, но оно не было объявлено и оставалось под секретом - это во-первых, а во-вторых, о

высочайшем одобрении не было упомянуто в тексте самой бумаги. Это предписание, которое явилось главным руководством в отношениях местных властей к женам декабристов, до сих пор не было опубликовано, а между тем этот своеобразный законодательный документ представляет по своему содержанию значительный исторический интерес и весьма важен для характеристики истинного положения высшей власти в вопросе о женах декабристов.

Но этот документ несколько неожиданно получает и другое значение: он дает материалы для характеристики поэтического творчества Н. А. Некрасова. При своем появлении поэма "Русские женщины" вызвала обличения автора в тенденциозном преувеличении страданий княгини Е. И. Трубецкой и кн. М. Н. Волконской. Придирчивая критика указывала на то, что Некрасов совершенно измыслил знаменитый диалог между кн. Трубецкой и губернатором¹⁶. Читатель помнит те убеждения, с которыми обращается в поэме губернатор к несчастной княгине. В резких стихах губернатор рисует опасности, которые ждут княгиню:

"Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?

.....

Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам;
Убийства и разбой...

.....

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!

.....

Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: Сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..
За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!

.....

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом.
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!"¹⁷

Этих стихов достаточно для того, чтобы читатель воскресил в своей памяти мучительные сцены объяснений княгини Трубецкой с губернатором. В начале и конце этой сцены поэт дает нам понять, что губернатор действовал не за свой страх, а по полученному им из Петербурга предписанию. В ответ на первую просьбу княгини о лошадях губернатор отвечает:

"Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана бумага".

Объяснения заканчиваются следующим признанием губернатора:

"Простите! Да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ

Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал все, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Осторожным, жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать;
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу..."¹⁸

Некоторые из критиков Некрасова сомневались в существовании подобного приказа и готовы были приписать его появление в поэме художественному измышлению поэта. Только Н. А. Белоголовый в своих воспоминаниях указал, что такой приказ существовал, и по памяти приводил его содержание. Н. А. Белоголовый очень сожалел, что он не мог снять копию с этой бумаги¹⁹. Этот приказ и есть то высочайше одобренное предписание, которое было послано за подписью тайного советника Лавинского иркутскому гражданскому губернатору на бланке Главного управления Восточной Сибири (от 1-го сентября 1826 года. По путевому журналу No 842 из Москвы). Мы имеем возможность напечатать дословно этот любопытный документ; при чтении просим читателя сопоставить соответственные стихи из поэмы Некрасова.

"Из числа преступников, Верховным Уголовным Судом к ссылке в каторжную работу осужденных, отправлены некоторые в Нерчинские Горные Заводы.

За сими преступниками могли последовать их жены, не знающие ни местных обстоятельств, ни существующих о ссыльно-каторжных постановлений и не предвидящие, какой, по принятым в Сибири правилам, подвергнут они себя участи, соединясь с мужьями в теперешнем их состоянии.

Местное начальство неукоснительно обязано вразумить их со всею тщательностью, с каким пожертвованием сопрягается таковое их преднамерение, и стараться, сколько возможно, от оногo предотвратить.

Притом легко может статься, что многие из них, имея достаточное состояние, возьмут с собою значительные суммы и драгоценные вещи - ввоз коих в край бедный, населенный людьми буйными и развратными, не обещает добрых последствий и потому не должен быть дозволен.

Самые крепостные люди, которые могли бы за ними прибыть, не обязаны разделять участи, добровольно госпожами их принимаемой.

Сообразив сие и зная, что жены осужденных не иначе могут следовать в Нерчинск, как через Иркутск, я возлагаю на особенное попечение вашего превосходительства употребить все возможные внушения и убеждения к оставлению их в сем городе и к обратному отъезду в Россию.

Внушения могут состоять в том:

1) Что следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными к их судьбе и потеряют прежнее звание, то есть будут уже признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне.

2) Что ни денежных сумм, ни вещей многоценных, взять им с собою, как скоро отправятся в Нерчинский край, дозволено быть не может, ибо сие не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности их, как отправляющихся в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и следственно, могущих подвергнуться при провозе с собою денег и вещей опасным происшествиям.

3) Что с отбытием их в Нерчинск уничтожаются также и права их на крепостных людей с ними прибывших.

С тем вместе должно обратиться к убеждениям, что переезд в осеннее время чрез Байкал чрезвычайно опасен и невозможен, и *представить, хотя мнимо, недостаток транспортных казенных судов, безнадежность таковых у торгующих людей состоящих, и прочие тому подобные учтывые отклонения; а чтобы успех в оных вернее был достигнут, то ваше превосходительство не оставите принять и в самом доме вашем, который без сомнения будут они посещать, такие меры, чтобы, в частных, с ними разговорах находили они утверждение таковых убеждений.*

По исполнении сего с надлежащею точностью, если и затем окажутся в числе сих жен некоторые непреклонные в своих намерениях; *в таком разе не препятствуя им в выезде из Иркутска в Нерчинский край, переменить совершенно ваше с ними обращение, принять в отношении к ним, как к женам ссыльнокаторжных, тон начальника губернии, соблюдающего строго свои обязанности* {Курсив П. Е. Щеголева. - Ред.}, и исполнить на самом деле то, что сперва сказано будет предостережение и вразумление, и именно:

а) Все имеющиеся у них деньги, драгоценные вещи, серебро и прочее, по надлежащем описании лично при них и по утверждении описи собственноручным подписанием тех, кому сие имущество принадлежать будет, отобрать от тех и, опечатав, отдать к хранению в иркутское губернское казначейство. Но меру сию для отклонения всякого сомнения привести в действие чрез нарочитую Комиссию, составя оную под председательством вашим из одного или двух членов Главного управления и губернского прокурора. Впрочем, прогоны на проезд до Нерчинска выдать им из числа собственных их денег.

в) Из крепостных людей, с ними прибывших, дозволить следовать за каждою токмо по одному человеку, но и то из числа тех, которые добровольно на сие согласятся и дадут или подписки собственноручные, или за неумением грамоте личные показания в полном присутствии губернского правления. Остальным же предоставить возвратиться в Россию и снабдить их пропускными {Первоначально в предписании было сказано: "прикажете внушить крепостным людям, которые прибудут с женами осужденных, что соединение с мужьями лишает их права иметь при себе крепостных слуг, и что могут они просить о возвращении их из Сибири". По этому поводу последовала следующая высочайшая резолюция: "Это совершенно воспрещая; бунтовать людей не должно, достаточно объявить женам, что по положению они не могут брать с собою людей своих, как с добровольного их согласия". См.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый, т. I, с. 545.}.

Указав с моей стороны средства, на законных постановлениях основанные, которые служат руководством в действиях по сему предмету и ожидая от вашего превосходительства исполнения оных в совершенной точности, и надеясь, что Вы и по собственной предусмотрительности своей не оставите употребить всех возможных способов к достижению собственно той цели, чтобы последовавших за осужденными преступниками жен решительно отвратить от исполнения их намерения, происшедшего от незнания местных обстоятельств Сибири и постановлений о сем крае существующих. Но если бы все усилия ваши оказались тщетными, то ваше превосходительство, действуя в отношении к ним по назначению сему, не оставьте немедленно уведомлять меня о всех обстоятельствах, к сим женам относящихся и вообще о мерах, какие вами будут принимаемы.

Наконец, если бы которая-либо из них проехала Иркутск прежде, нежели вы сие получите, в таком разе прошу ваше превосходительство принять на себя труд отправиться лично для возвращения ее в губернский город или приказать остановить в Верхнеудинске, ибо

пример одной может побудить и других к домогательствам о равномерном пропуске их в Нерчинск.

Генерал-губернатор Лавинский".

Эта бумага не требует никаких комментариев. Довольно сделать только два замечания. Угрозы, перечисленные в этой бумаге, очевидно, имел в виду Николай Павлович, когда 21 декабря 1826 года писал княгине М. Н. Волконской: "J'ai reu, Princesse, la lettre que Vous m'avez écrite du 15 de ce mois, j'vi avec plaisir l'expression des sentiments que Vous me témoignez pour l'intêrêt que je Vous porte, mais c'est à cause de cet intêrêt même que je prends à Vous, que je crois devoir renouveler ici les avertissements, que je Vous ai déjà communiqués sur ce qui Vous attend une fois passe Irkoutsk. Au reste j'abandonne entièrement à Votre propre conviction, Madame, de Vous décider à tel parti que Vous jugerez le plus convenable, dans votre situation".

Votre affectionné.

(Signe) "Nicolas".

1826, le 21 Dêcembre {*}

{* См.: Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). Изд. князя М. С. Волконского. СПб., 1901, с. 458. *Пер.*: "Я получил, княгиня, письмо Ваше от 15 числа сего месяца и с удовольствием в нем усмотрел изъявление чувств благодарности ко мне за то участие, которое я в Вас принимаю; но, во имя этого участия к Вам, я и считаю себя обязанным еще раз повторить Вам здесь предостережения, мною уже Вам высказанные относительно того, что Вас ожидает, лишь только Вы проедете далее Иркутска. Впрочем, предоставляю вполне Вашему собственному усмотрению, сударыня, избрать тот образ действий, который Вы найдете наиболее соответствующим Вашему настоящему положению. Благорасположенный к Вам Николай" (*франц.*). -- *Ред.*}

Любопытно сопоставить, что писал в 1832 году тот самый Цейдлер, который в 1827 году должен был убеждать жен декабристов, что они отправляются в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и следственно могут подвергнуться опасным происшествиям. Родителей Н. Д. Фонвизиной²⁰ очень пугали опасности путешествия по Забайкалью, которое предстояло их дочери с мужем. "Цейдлер... счел своим долгом успокоить Марью Павловну [мать Фонвизиной. - П. Щ.] любезным письмом, доказывая, что в Нерчинске есть врачи и что там все можно достать", а относительно разбойников он прибавлял: "ужасы, описываемые в письме к Вам, доказывают только болезненное состояние Натальи Дмитриевны: край Забайкальский спокойный и злодейств, описываемых ею, никогда не бывает" {*Русское богатство*, 1894, No 11, с. 124.}.

IV

Бумага, подписанная Лавинским, оставляет странное впечатление и не разрешает основного вопроса о юридическом положении последовавших по своей воле в каторгу за мужьями жен декабристов. Предписание предлагает губернатору пустить в ход убеждения, хотя бы они и не имели оснований в действительности, внушения, цель которых - чисто временная - отвратить женщин от исполнения их намерения. На тот же случай, если бы и внушения, и убеждения не подействовали, предлагалось исполнить то, что "сперва сказано будет в предостережение": отобрать деньги и отпустить крепостных. Но об реализации главного пункта внушений в предписании ничего не сказано. Предписание тайного советника точно так же, как и данные в 1827 году московскому губернатору²¹ и тоже оставленные под секретом правила относительно отправлявшихся за мужьями жен декабристов, выставляло следующее положение: "следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание, то есть будут уже признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне". Образ жизни жен декабристов в Сибири, в Нерчинских горных заводах можно было совершенно точно определить инструкциями и правилами,

которые вытекали из вполне определенного представления о положении их мужей-каторжников: и, действительно, в этих инструкциях, высочайших повелениях и правилах регламентированы все подробности быта жен декабристов. Но, несмотря на категоричность, общее положение об их юридических правах оставляло неразрешенными много вопросов. Раз жены декабристов рассматриваются как жены ссыльно-каторжных, сопричастные их судьбе и, следовательно, последствиям лишения прав, то какой ответ нужно было дать на вопросы: теряют ли они безвозвратно права своего прежнего состояния или только на время их сожительства с мужьями, лишаются ли совершенно права пользования собственностью? Вопрос о правах жен декабристов усложнялся еще и тем, что документы, в которых высказано было общее положение об юридической дееспособности жен декабристов, оставались не объявленными публично.

Итак, несмотря на предписание Лавинского, несмотря на правила, данные в 1827 году московскому губернатору, вопрос оставался вопросом для современных юристов и имел любопытную историю.

В конце 1828 года он был выдвинут на очередь в общей форме. По высочайшему повелению от управлявшего министерством юстиции князя Долгорукого было затребовано основанное на существующих узаконениях мнение, к разрешению вопросов, сделанных некоторыми женами государственных преступников, желающими отправиться к мужьям со своими детьми или без детей, но только на некоторое время. Князь Долгорукий высказался следующим образом. Он находил, что дворянские жены и дети, не участвовавшие в преступлениях мужей и отцов своих, по осуждении сих, остаются в прежних своих правах и жены могут с разрешения духовного правительства вступить в новый брак. При этом министр ссылался на указ 16-го августа 1720, 29-го марта 1753, 15-го июля 1767, 28-го апреля 1804, 16-го августа 1807 годов. "Впрочем,-- продолжал в своей записке князь Долгорукий,-- закон не возбраняет невинной жене следовать за мужем в Сибирь, но в сем случае, по 231 § Устава о ссыльных, она не прежде может вступить в брак или возвратиться к родственникам своим, как по смерти мужа; о временном же посещении женами ссыльных мужей в законах нет постановления. Что же касается до детей, то оным дозволяется следовать за отцами в таком только случае, если они были крестьяне государственные или помещичьи; причем требуется дозволение для первых от своих обществ, а для последних от помещиков". Но, по мнению кн. Долгорукого, "сие постановление не может быть распространено на детей дворянских, как по точным словам оного, так и по тому уважению, что дети сии, принадлежат к высшему сословию в государстве, должны получить приличное роду их образование, для вступления со временем на службу. Отцы же, находясь в ссылке, не только лишены способов дать им воспитание, но еще могут подать им пример худой нравственности". Так думал кн. Долгорукий, и имп. Николай Павлович написал карандашом на его записке: "согласен". (Записка от 7-го ноября 1828 года.)

Таким образом, по мнению князя Долгорукого, одобренному государем, выходит, что жены декабристов лишаются прав своего прежнего состояния лишь временно, до смерти мужа. По смерти мужа - так, по крайней мере, говорит кн. Долгорукий - жена может вступать в новый брак и возвратиться к родственникам. Вопрос о праве жены декабриста владеть собственностью рассматривался в конце 1831 года: он был поднят по поводу дела о доверенности, данной тайному советнику Давыдову женой декабриста Давыдова, жившей в Нерчинске. В этом случае император Николай I согласился опять-таки с мнением министра юстиции: "Согласно коренным установлениям Давыдова не лишается прав наследственных, а с тем вместе имеет власть располагать своею собственностью". В декабре же 1831 года по мнению Государственного совета состоялось высочайшее повеление "о предоставлении Стройниковой именоваться женой бывшего капитана 2 ранга по тому уважению, что наказание мужа не должно распространяться: на жену, непричастную его преступлению, и о принятии его за правило на все подобные случаи".

Вот все те прецеденты, не решившие окончательно вопроса о правах жен декабристов, которые были налицо в 1832 году, когда этот вопрос подвергся новому и основательнейшему пересмотру. Повод был дан всеподданнейшей просьбой статс-дамы княгини Волконской. На этот раз вопрос о том, имеет ли жена государственного преступника право на распоряжение недвижимой собственностью, рассматривался довольно долго, прошел несколько инстанций, вызывая в каждой из них различные решения. Дело неоднократно восходило на усмотрение

императора Николая, и окончательное решение, данное им самим, запечатлело в памяти потомства характер его отношений к женам декабристов. Заклучая, таким образом, материалы для характеристики императора Николая Павловича, дело это дает яркую иллюстрацию отношения правительственных органов к вопросам права в тридцатых годах прошлого столетия. Вместе с тем оно исчерпывает вопрос о юридических правах жен государственных преступников. Так как в нашей литературе данные об этом деле не были до сих пор опубликованы, то мы считаем необходимым подробнее изложить весь ход дела {Весьма краткие сведения о производстве этого дела в Комитете министров находятся в "Историческом обзоре деятельности Комитета министров" С. М. Середонина. СПб., 1902, т. II ч. 1, с. 78--79.}.

23-го ноября 1832 года мать С. Г. Волконского, статс-дама княгиня Волконская, урожденная княжна Репнина, обратилась к императору Николаю Павловичу с следующим прошением:

Августейший монарх, всемилостивейший государь!

Милости вашего императорского величества обильно на меня изливающиеся,-- преисполняя меня верноподданической, глубочайшею благодарностью, облакают смелостью повергнуть к подножию престола вашего величества всеподданнейшую просьбу мою.

По силе духовного завещания сына моего Сергея Волконского имение его: родовое в Нижегородской и Ярославской губерниях 2127 мужского пола душ и благоприобретенный дом в Одессе, хутора близ сего города и деревня Новорепьевка в Таврической губернии, поступили в 1827 году: родовое,-- как принадлежащее малолетнему сыну его князю Николаю Волконскому,-- в опекуное управление, а благоприобретенное,-- следующее жене его же Сергея Волконского Марии, урожденной Раевской,-- в управление отца ее генерала Раевского, сообразно данной ему от дочери его доверенности, коею Раевской уполномочен был принять впоследствии и подлежащую Марии Волконской из родового имения 7-ю часть.

По кончине показанного внука моего²², дети мои, генерал от кавалерии князь Репнин и двора вашего императорского величества егермейстер князь Волконский, будучи законными наследниками вышепоказанного родового имения, заблагорассудили оставить оное в пожизненном владении у супруги брата их Сергея, разделяющей с ним судьбу его, и потому, руководствуясь согласием родителя ее, генерала Раевского, уполномочили его 12-го марта 1829 года, представляемой при сем в копии доверенностью, как на уплату казенных и частных долгов посредством мер в оной доверенности означенных, так и на принятие в его заведывание, управление и распоряжение всего помянутого имения по полученной им от дочери указанной доверенности; но за последовавшей в том году кончиною его, Раевского, все сии предположения остались без исполнения.

После сего дети, сохраняя те же чувствования о неприкосновенности к имению брата их, в продолжение жизни жены его, а сия, принимая то с благодарностью, поручили мне все трое распоряжение означенным имением и исполнение всех мер в помянутой доверенности заключающихся.

Желая ускорить развязку долговых дел, отягощающих имение, принадлежавшее Сергею Волконскому, и так как братья его передали оное в пожизненное владение невестке нашей, которая письмом ее ко мне, хотя продажу частию вышепоказанных имений и предоставила усмотрению моему, но продажи: сей, без формального с ее стороны уполномочия, я не только не могу совершить, но и получить оного по настоящему ее положению не предвидится никакой возможности, в таковом положении дел не находя к скорейшей уплате долгов и к устройству имения другого средства кроме милосердного воззрения вашего императорского величества, как на вышеизложенные обстоятельства, так и на преклонные лета мои, повергаюсь священным стопам вашего величества и умоляю благодать вашу, всемилостивейший государь, о высочайшем повелении учредить для распоряжения помянутыми имениями попечительство с определением в оное членами вместе со мною действительного тайного советника Оленина и тайного советника Булгакова, которые изъявили на сие свое желание.

Попечительству сему поставить в обязанность, действуя с полною властью по распоряжению имением, удовлетворить долги, ежели нужным найдется, и продажею назначенных частей имения; просить о перезаложении сделанного займа в С. -Петербургском Совете на больший срок, и учинить заем; вообще исполняя все меры в вышеупомянутой доверенности, данной Раевскому, изложенные, стараться о возможном благосостоянии имения, совершая на случай приобретения имения в пользу невестки моей законные на то акты.

Монаршее снисхождение к сей моей всеподданнейшей просьбе доставят мне душевное спокойствие в продолжение немногих уже лет земного моего существования.

Всемиловитейший государь, вашего императорского величества верноподданная княгиня Волконская, урожденная княжна Репнина. 23-го ноября 1832 года".

Затруднения статс-дамы Волконской вытекали из того обстоятельства, что ни одна инстанция не решалась засвидетельствовать доверенности, выданной женой государственного преступника княгиней Волконской. На основании точного смысла предписания тайного советника Лавинского, жена, последовавшая за мужем в каторгу, теряла права прежнего звания, и должна была быть признаваема женою ссыльно-каторжного и, следовательно, лишалась права состояния. Но предписание вводившее радикальные изменения в законодательство о правах состояния, не было объявлено и держалось под секретом; немудрено, что сами власти останавливались в недоумении перед приведением в исполнение бумаги Лавинского. Мы уже видели, что по поводу дел Давыдовой и Стройниковой, был заявлен принцип непричастности жен государственных преступников вине их мужей. Следовательно, просьба статс-дамы Волконской могла бы быть решена на основании прецедентов, но на этот раз император Николай заблагорассудил приказать произвести пересмотр положений о правах жен декабристов.

26-го ноября 1832 г. граф А. Х. Бенкендорф, по высочайшему повелению, препроводил просьбу кн. Волконской министру юстиции Д. В. Дашкову с просьбой дать по содержанию этой просьбы заключение, *имеет ли жена государственного преступника Сергея Волконского право на распоряжение имением, по кончине сына ее Николая Волконского оставшимся*. Министру юстиции оказалось неизвестным предписание Лавинского; правда, основное положение о том, что жены государственных преступников, признанные женами ссыльно-каторжных, теряют права состояния, находилось еще и в правилах, сообщенных московскому военному генерал-губернатору, но эти правила были знакомы министру юстиции только по *частной копии* {Курсив П. Е. Щеголева. - Ред.}, оказавшейся в делах департамента министерства юстиции. Таким образом, при ответе графу Бенкендорфу, министр юстиции должен был основываться на существующих узаконениях которые, как мы видели, не содержали никаких ограничений прав жен, следующих по собственной воле за лишенными прав. мужьями, на относящихся к сему вопросу постановлениях, из которых министру юстиции было известно только одно, и на бывших примерах (дела Давыдовой и Стройниковой). Действующие узаконения и бывшие примеры коренным образом расходились с "постановлением", и министр юстиции, знакомый лишь из частной копии с актом, изменявшим действовавший закон, не решился придать ему буквальное толкование. Пытаясь согласить постановление с законом, министр юстиции старался основать свои мнения на том, что *"в правилах не сказано, чтобы жены государственных преступников, разделяющие судьбу своих мужей, безвозвратно теряли права своего прежнего состояния"* {Курсив П. Е. Щеголева. -- Ред.}. *Бывшие же примеры (дела Давыдовой и Стройниковой. - П. Щ.)* давали возможность министру юстиции истолковывать высочайшую волю в том смысле, что невинные жены преступников могут по желанию сохранять свое прежнее положение в обществе; следовательно, и те из них, которые добровольно разделяют участь мужей, не лишаются совершенно пользования собственностью и ограничиваются в этом праве особыми мерами, имеющими в виду не жен, а самих преступников. На основании всех этих соображений, по данному вопросу министр юстиции полагал, что жена преступника Волконского, располагавшая доселе имением, доставшимся ей по завещанию мужа ее, не лишается прав наследства и может располагать доходами ей на законном основании именными, посредством способов, законом дозволенных".

Таким образом, мнение Д. В. Дашкова оказалось в значительной мере противоречащим основному пункту правил, одобренных государем. Все свои соображения и заключение министра юстиции изложил в отношении от 30-го ноября 1832 года.

Граф А. Х. Бенкендорф доложил мнение Д. В. Дашкова государю. В официальном письме от 24-го декабря 1832 г. (№ 6196) граф Бенкендорф сообщил Д. В. Дашкову следующее:

"Отношение вашего превосходительства от 30-го минувшего ноября № 14500... я имел счастье представлять государю императору. - Его величество, усматривая из оного, что к разрешению вопроса: имеют ли жены государственных преступников, в работу сосланных, последовавшие за их мужьями,-- не существует положительного постановления, отчего впоследствии времени могут возникнуть многие тяжёлые дела, и находя, что удовлетворение настоящей просьбы княгини Волконской может подать повод ко многим подобным просьбам, высочайше повелеть мне соизволил: всеподданнейшее прошение княгини Волконской передать вашему превосходительству с тем, чтобы вы, милостивый государь, представили об оном Комитету гг. министров с мнением вашим насчет прав жен государственных преступников, последовавших за мужьями, располагать своими именами, - на тот конец, дабы Комитет гг. министров, учинив по сему предмету постановление, разрешил на основании оного и всеподданнейшую просьбу княгини Волконской, причем не должно терять из виду условий, на основании которых дозволено было женам следовать за преступниками мужьями, и которые не были доселе отменяемы.

О такой высочайшей воле сообщая вашему превосходительству для вашего к исполнению по оной распоряжения, имею честь препроводить при сем к вам и всеподданнейшее прошение княгини Волконской в подлиннике. С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга граф Бенкендорф".

Из этой бумаги мы вправе заключить, что государю не понравилось заключение Д. В. Дашкова. Понятно, почему не понравилось: Д. В. Дашков потерял из виду условия, на которых женам декабристов разрешено было следовать за мужьями. Но в то же самое время, принимая мнение министра юстиции о том, что не существует положительного постановления к разрешению вопроса о правах жен государственных преступников, император Николай Павлович сознательно закрывал глаза на изменение коренных законов, сделанное, с его одобрения, в предписании Лавинского. Уж слишком легко оно было совершено; получив высочайшую санкцию, это изменение не могло возвыситься на степень закона по той причине, что оно не было объявлено, не было даже известно министру юстиции. Нельзя забывать и того, что в предписании Лавинского, это изменение законодательства было сделано в форме внушения, угрозы: "если вы пойдете за своими мужьями, то знайте, что-с Вами поступят так-то и так-то". Но ведь не всякое внушение, не всякая угроза приводится в исполнение. По всей вероятности, эти соображения были у императора Николая, когда, рассмотрев отзыв министра юстиции, он поставил вопрос - не общий, о правах состояния жен декабристов, а частный - о праве распоряжаться имением.

V

Министр юстиции, получив бумагу графа Бенкендорфа, прежде всего должен был ознакомиться с условиями, на которых было дозволено женам декабристов следовать за мужьями в Сибирь. 30-го декабря 1832 года министр юстиции обратился к военному министру с просьбой доставить ему сведения об этих условиях и других изданных в разное время правилах. 16-го января 1833 г. при отношении за № 125 военный министр граф Чернышев препроводил Д. В. Дашкову в копии: самый главный документ - предписание Лавинского - и выписки из состоявшихся по бывшему Главному штабу его величества в разное время и по особым случаям высочайших повелений насчет тех жен государственных преступников, которые, несмотря на все убеждения, пожелали жить с своими мужьями. Только два документа давали материал для решения общего вопроса о правах жен декабристов; они известны нам: предписание иркутскому губернатору от имени Лавинского и одобренное государем мнение князя Долгорукого о детях дворян-преступников. Остальные же постановления касались регламентации быта жен декабристов на каторге; сущность их известна из записок

декабристов, а некоторые опубликованы в подлинниках в разное время и по разным поводам. Сделаем краткий обзор всех мероприятий по отношению к женам декабристов.

Первой по времени мерой является инструкция коменданту при Нерчинских рудниках, высочайше утвержденная 19-го сентября 1826 года. Относительно жен в ней сказано, что жены, желающие жить с мужьями в остроге, не могут иметь прислуги, а желающие жить отдельно, вне острога, получают свидание со своими мужьями через два дня один раз и могут держать прислугу, но не более одного мужчины и одной женщины. Коменданту предписывалось "строго наблюдать, чтобы преступники и их жены не могли привезти с собою или получать после от кого бы то ни было больших сумм, ни в наличных деньгах, ни в ценных вещах, исключая только такой суммы, которая необходима для их содержания, но и то не иначе, как чрез коменданта, который отдает им таковое пособие по частям, смотря по надобности". Переписку жены декабристов вели через III Отделение и через коменданта. Крепостным людям, пришедшим с женами в Сибирь, инструкция разрешала возвратиться в Россию, если бы они не пожелали остаться с своими господами. Более подробные указания о переписке и суммах, которые могли быть выдаваемы женам декабристов, даны в высочайших повелениях, объявленных генерал-губернаторам Сибири, Восточной и Западной, в отношении начальника Главного штаба от 24-го сентября 1826 года. На этот раз был установлен размер суммы: от своих родственников жены декабристов могли получать на первое обзаведение не более 2 тысяч и на содержание ежегодно не более тысячи рублей.

На основании инструкции и высочайших повелений комендант при Нерчинских рудниках генерал-майор Лепарский отобрал от каждой из жен декабристов особое обязательство. Текст его приведен в приложении к "Запискам С. Г. Волконского" (СПб., 1901, с. 460--462). Любопытно то, что Лепарский сам составил эту подписку и на свой страх решился предложить ее для подписи прибывшим женам. Впрочем, он тогда же в особом рапорте донес о своих действиях. Начальник Главного штаба во всеподданнейшем докладе писал, что Лепарский, "не быв уверенным, чтоб все жены государственных преступников, прибывшие в Нерчинские рудники для жительства и разделения участи своих мужей, всегда в точности исполняли правила, какие предписаны в данной ему инструкции, решился брать от каждой из них особое обязательство, дабы впоследствии не могли отговариваться неведением того, что исполнять они обязаны; но опасаясь, чтобы жены преступников не сочли меру сию притеснением и не принесли на оную жалобы, генерал-майор представляет о сем предварительно на рассмотрение". 6-го мая 1827 года государь одобрил действия Лепарского.

Последующие постановления имели в виду облегчение участи жен декабристов. Нужно признать, что инициатива подобных смягчений исходила от коменданта Нерчинских рудников. Так, в 1829 году генерал-майор Лепарский обратился с рапортом, в котором просил все милостивейшего соизволения на дарование прочим женам государственных преступников тех же правил, коими пользуется ныне Муравьева, в неразлучном соединении с мужем своим находящаяся, основанных на высочайше утвержденных правилах. На этом рапорте государь написал: "я никогда не мешал им жить с мужьями, лишь бы была на то возможность". 1-го июня 1829 года генерал-майор Лепарский доносил, что на основании высочайшей резолюции он позволил всем женам декабристов иметь ежедневное свидание с их мужьями. 15-го июля 1829 года Лепарский вошел с рапортом относительно пересылки женам государственных преступников денег в виде подаяния государственным же преступникам, в других местах на поселении находящимся и не получающим оных от родных. Лепарский высказал в рапорте предположение, чтобы женам государственных преступников не дозволять пересылку одному таковому поселенцу более 150 руб., а также платья и белья, сколько для употребления в течение года нужно. Государь согласился с предположением Лепарского (предписание дежурного генерала Главного штаба генерал-адъютанта Потапова Лепарскому от 8-го сентября 1829 года за № 562) {*}.

{* Предположение Лепарского было, с точки зрения инструкции, большой льготой для декабристов; император Николай Павлович согласился с Лепарским, но до какой степени неохотно государь делал послабления декабристам, показывает резолюция на следующей докладной записке управляющего Главным штабом от 19-го января 1829 года. Копия с этой докладной записки была прислана тоже военным министром. "Тобольский губернатор²³ удержал деньги, принадлежащие жене переведенного из каторжной работы на

поселение преступника Ентальцева, сколько оказалось сверх 2000 руб. дозволенных в выдачу на первое обзаведение. Ентальцева просит выдать сии деньги, уверяя, будто в Чите получала она и прочие жены преступников по 500 руб. в месяц.

Генерал-губернатор Западной Сибири, генерал от инфантерии Вельяминов представляет, что в высочайшем повелении насчет сосланных на поселение государственных преступников не сказано, до какого количества выдавать женам сих преступников их деньги, а потому испрашивает на сие разрешение.

Генерал Вельяминов присовокупляет к сему свое мнение, что *насчет выдачи женам преступников собственных их денег следует подвергнуть их тому же ограничению, как определено для мужей их, ибо цель Высочайшего повеления есть отнять у преступников средство забыть в избыточной жизни вину свою и даже предпринять что-либо к перемене своей участи, не подвергая же в сем отношении жен преступников одинаковой с мужьями их мере, невозможно в полном смысле выполнить и цели Высочайшего повеления".* На подлинном докладе мнения сибирского администратора, стремившегося осуществлять не букву, а самый дух распоряжения свыше, управляющим Главным штабом написано: "Высочайше повелено исполнить по мнению генерала Вельяминова 22-го января 1829 года". (Курсив П. Е. Щеголева. - Ред.)}

В своих записках декабристы с признательностью и уважением вспоминают о Лепарском. Пересматривая официальные бумаги, видишь, как этот достойный человек мало-помалу изменял участь декабристов к лучшему, стараясь в своих рапортах и отношениях представить дело так, будто бы просимые им смягчения вовсе не были смягчениями. Таков его рапорт от 30-го сентября 1830 года. Читая его, можно подумать, что он прибегает к защите правительства от могущих последовать жалоб на его суровое обращение, а на самом деле этот рапорт имел в виду окончательное освобождение от тех пут, которые налагала высочайше утвержденная инструкция на совместную жизнь мужей с женами. Лепарский доносил:

"В исполнение высочайше утвержденной моей инструкции статьи 10-й я дозволил всем девяти женам государственных преступников при команде моей живущим, по настоятельной просьбе первых, проживать в казарме со своими мужьями, на правилах той же инструкции предписанных, определив им особые от холостых преступников отделения комнат, со дворами, имеющимися при оных внутри казарм. При том воспретил женам иметь детей при себе для того, что сии последние денно и ночно требуют особенного призрения, как-то: ночью освещения комнат, когда с пробитием вечерней зари, повсеместно при запирании арестантских комнат тушится огонь, как равно и на кухне, где оный в случае болезни детей нужно было бы иметь для грения воды на ванны, припарки, приготовления лекарств, и другие необходимые потребности к подаче помощи детям, чем совершенно изменяться должен в ночное время заведенный по общим постановлениям порядок. Детям же с положенною для их присмотра прислугою, назначено мною находиться в купленных или нанятых матерями домах, куда им одним представлено ежедневно ходить, а в случае болезни детей или же их самих, в тех домах оставаться, до времени выздоровления. О сем имея честь донести на благорассмотрение вашего сиятельства, осмеливаюсь испросить в разрешении повеления в следующем: когда случится, что которая из жен преступников сделается, действительно, одержима тяжкою и продолжительною болезнью, или сблизится время ее родов, а находясь в том же положении в своем доме, лишится она всякого способа пользоваться высочайше дозволенным свиданием с мужем, могу ли в таком случае допустить за караульню мужа, в дом жены его для свидания?"

При сем же представляю долгом моим донести до сведения вашего сиятельства с предоставлением копии взятого мною от всех жен преступников при помещении в казарму с мужьями обязательства, что необходимость заставила меня оное истребовать для предупреждения и ограничения различных требований и претензий, могущих впоследствии времени от них возродиться, насчет якобы стеснения мною их положения, хотя ничего лишнего от них не требую, кроме усматриваемого нужным к порядку и устройству.

Генерал-майор Лепарский".

Управляющий Главным штабом граф А. Чернышев 19-го ноября 1830 года сообщил Лепарскому, что государь одобрил его распоряжения и разрешил государственным преступникам иметь свидания с женами в квартирах их, в случае, если последние по тяжкой болезни или приближающихся родов лишены будут возможности находиться при мужьях своих в казармах.

Вот содержание всех тех особых правил о правах жен декабристов, которые военный министр сообщил министру юстиции. Собираясь с ними, последний должен был разработать свое мнение для представления в Комитет министров.

VI

Министр юстиции передал дело о правах жен декабристов в департамент министерства юстиции, директором которого в это время был Дегай. III Отделение департамента (2-й стол) изготовило доклад и 22 февраля поднесло его министру. Министр утвердил его, и заключения доклада целиком вошли в Записку, которую министр юстиции представил в Комитет министров. Юристы департамента, прежде всего, указали, что мнение министра юстиции, высказанное им на первый запрос графа Бенкендорфа, основывалось на частной копии правил, сообщенных московскому генерал-губернатору. Мы видели уже, что в этих правилах как раз нельзя было найти оснований для мнения министра юстиции. Рассмотрев постановления, присланные военным министром, департаментские юристы вполне верно заметили, что только два из них могут относиться к обстоятельствам, подлежащим разрешению. По поводу высочайше одобренного предписания Лавинского, имевшего весьма определенный и ужасный смысл и лишавшего жен декабристов прав состояния, III Отделение департамента, имея в виду ослабить их значение, высказалось на следующих, весьма неясных выражениях: "предписание на имя губернатора имело целию удержать жен государственных преступников от принятого ими намерения следовать за их мужьями, постановляя на сей случай внушения, какие поручалось делать им для отклонения от того намерения; главное из сих внушений состояло в том, что они, следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, естественно сделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание: т. е. будут признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне". Министерство юстиции *подчеркнуло в основном пункте предписания характер внушения и предостережения* {Курсив П. Е. Щеголева. - *Ред.*} и, отказываясь придавать ему значение положительного законодательства, в высочайше одобренном мнении Долгорукова отмечало следующую фразу: "невинная жена, следуя за своим мужем преступником в Сибирь, по 231 § Устава о ссыльных не прежде может вступить в брак или возвратиться к родственникам, как по смерти мужа". Поэтому автор доклада министру юстиции делал следующее заключение, дословно внесенное в записку министра: "Обе сии бумаги [предписание Лавинского и мнение Долгорукова] удостоены высочайшего утверждения; но доне сии служили руководством только для одного местного начальства и, не быв оглашены во всеобщее известие, не могут быть принимаемы в виде закона; впрочем, в самих бумагах сих, хотя и содержится установление, что жены государственных преступников" следуя за своими мужьями, должны находиться при них до их смерти и, теряя прежнее звание, быть почитаемы женами ссыльно-каторжных, однако ж не сказано, что они лишались прав распоряжаться принадлежащею им собственностью". Толкуя таким образом высочайшую волю и ссылаясь на резолюцию государя по делу Давыдовой, министр юстиции "полагал постановить на будущее время общим правилом, что сии жены, разделяющие супружескую связь с мужьями, хотя и должны в настоящем их положении, до смерти мужей признаваемы быть женами ссыльно-каторжных, но они не лишены права наследовать доходящею им собственностью и вообще располагать принадлежащим им имением, через доверенных лиц способами, законом дозволенными; по смерти же мужей сами они могут возвратиться в Россию и в таком случае сохраняют прежнее звание" {Курсив П. Е. Щеголева. - *Ред.*}; но дети, которых приживут в ссылке, поступающие в казенные поселяне, должны оставаться в сем состоянии, в распоряжении местного начальства". Записка министра юстиции была отослана в Комитет министров 9 марта 1833 г. за No 2933 (по департаменту).

Комитет министров слушал записку министра юстиции в заседании 14 марта 1833 года. Комитет высказался определеннее и жестче министра юстиции. Находя, что последствия добровольного сожигания жены с ее сосланным мужем совершенно-точно указаны и в уставе о

ссылных 1822 года, и в высочайше одобренном предписании иркутскому губернатору, комитет следующим образом комментировал их: "в личном отношении права состояния невинной жены ссылного, по рождению или по браку ей принадлежащие, если сама она добровольно за ним последует, должны, до смерти мужа, считаться в действии их приостановленными и что и в отношении к имуществу своему она должна подвергаться тем предосторожностям и ограничениям, какие для общественной безопасности признаются необходимыми; но других ограничений в праве собственности таковых жен не постановлено; из чего само собою следует, что при жизни мужей они не устраняются от права наследования, а со смертью их вступают в полное обладание всех прочих, прежде принадлежавших им прав". Поэтому комитет министров согласился с мнением министра юстиции относительно общего правила о женах декабристов. Кроме этого, комитет давал ряд указаний по частному вопросу - об учреждении попечительства над имением княгини Волконской.

VII

Но все труды, потраченные и юристами департамента юстиции и Комитетом министров на обоснование законодательства о женах декабристов, несколько неожиданно оказались совершенно бесплодными. Вопрос во всем его объеме был разрешен императором Николаем Павловичем, который пренебрег всеми соображениями, до сих пор высказанными.

"В заседании 18 апреля,-- читаем мы в журнале Комитета министров,-- председатель комитета объявил, что государь император, по рассмотрении заключений Комитета министров о правах жен государственных преступников, добровольно последовавших за мужьями в ссылку на каторжную работу,-- обращаясь к условиям, на коих сие дозволено было, находить изволит, что в помянутых условиях именно предписывалось, что, следуя за мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они соделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание, т. е. будут признаваемы не иначе, как женами ссылно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне. За сим, хотя в тех же условиях присовокуплено, что невинная жена, следуя за мужем преступником в Сибирь, должна оставаться там до его смерти; но правительство, чрез таковую ссылку на общий закон, собственно до *обыкновенных* {Курсив П. Е. Щеголева. - *Ред.*} уголовных преступников относящийся (устав о ссылных § 231), постановляя только, что невинные жены государственных преступников *прежде* смерти мужей не могут оставлять Сибири, отнюдь не принимало еще на себя неперменной обязанности, *после* смерти их, дозволить всем их вдовам возврат в Россию.

По сему его императорское величество, разделяя представляющийся здесь общий вопрос на два, и именно: 1) о праве состояния и 2) о праве избрания места жительства, в разрешении того и другого полагать изволит:

1) Что невинные жены государственных преступников, разделяющие супружескую с ними связь, согласно прежним повелениям и настоящему заключению Комитета министров, до смерти мужей должны быть признаваемы женами ссылно-каторжных и с сим вместе подвергаться всем личным ограничениям, составляющим необходимое последствие сожития их с преступниками; причем, хотя и не лишаются права наследовать доходящую им собственностью и вообще располагать своим имением чрез доверенных лиц, способами, в законах дозволенными; но во все время продолжения жизни мужей, нужная на содержание жене часть из доходов прежде принадлежавшего им или вновь наследованного имения должна быть выдаваема не им непосредственно, а в распоряжение того начальства, которому поручено заведование государственными преступниками, для употребления в пользу их по правилам, какие на сие предписаны могут быть.

2) Что после смерти государственных преступников, жившим с ними невинным женам их, на основании существующих узаконений, хотя и должны быть возвращаемы лично все прежние их права, вместе с предоставлением в непосредственное уже распоряжение их принадлежащих им имений и доходов с оных; но действие всех этих прав имеет ограничиваться одними пределами Сибири, дозволение же вдовам государственных преступников возврата в Россию, безусловно или с известными ограничениями, зависеть будет от особого усмотрения правительства и не иначе каждой из них дано быть может как с высочайшего разрешения.

Его величество, повелевая, принял правила сии к неперемennomу впредь руководству, в отношении собственно к просьбе статс-дамы княгини Волконской изъясниться изволил, что просьба сия не иначе, как на законном рассмотрении и на основании законов разрешена быть должна. - Его величество не предполагает в делах сего рода допускать каких-либо исключений".

Это высочайшее мнение, по постановлению Комитета министров было сообщено министру юстиции к исполнению выпискою из журнала заседания (в бумаге от 18-го апреля 1833 года, за No 762).

Отныне сомнения о правах жен декабристов уже не могли иметь места. Положение Комитета министров, конечно, не осталось только на бумаге и было приведено в исполнение. Имущественные права сильно ограничивались администрацией, и местной, и высшей. Любопытно, что местные власти как-то стеснялись по своей инициативе пользоваться правом, предоставленным им означенным положением, и всегда восходили с своими докладами к высшей власти. В 1835 году император Николай I еще раз высказался по вопросу о правах владения жен декабристов. Он "изволил найти неудобным дозволить госпоже Розен купить землю в 10 000 руб., ибо по ценам, существующим в Сибири, она может приобрести на сию сумму обширное пространство земли, для обрабатывания которой необходимо должна будет нанимать посторонних людей или отдавать в наймы, а сие, дав ей некоторый вид помещицы и поставив ее в необходимость входить в сношения разного рода, по положению ее неприличны,-- было бы несообразно цели существующих правил о государственных преступниках и женах их, за ними последовавших в Сибирь" {Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири, с 122.}.

Остается сказать несколько слов о судьбе женщин, последовавших в Сибирь и разделявших судьбу своих мужей. Три из них умерли, не дождавшись амнистии, объявленной при восшествии на престол Александра II: это - А. Г. Муравьева (ум. 22-го ноября 1833 года), К. П. Ивашева (ум. 28-го декабря 1839 года) и кн. Е. И. Трубецкая (ум. 14-го октября 1854 года). Е. П. Нарышкина и А. В. Розен выехали в 1837 году вслед за своими мужьями, переведенными на Кавказ для отбывания военной службы в чине рядового. При жизни императора Николая одна только Фонвизина выехала из Сибири в Россию, в 1852 году, после того, как ее мужу было разрешено возвратиться на родину. М. Н. Волконская и П. Е. Анненкова отбыли в Россию вместе с своими мужьями только по воследовании всемилостивейшего манифеста 26-го августа 1856 года. Хуже всего пришлось, конечно, тем, мужья которых умерли в Сибири: А. В. Ентальцевой (ее муж умер в 1845 году) и М. К. Юшневской (А. П. Юшневский скончался в 1844 году.) В "Положении Комитета Министров" сказано, что "дозволение вдовам государственных преступников возврата в Россию, безусловно или с известными ограничениями, зависит от особого усмотрения правительства и не иначе каждой из них дано быть может, как с высочайшего разрешения". Но все ходатайства Ентальцевой и Юшневской о возвращении в Россию были решительно отклоняемы. О Ентальцевой знаем, что она находилась, после смерти мужа, во все время своего пребывания в Сибири под полицейским надзором. Только в 1857 году, после манифеста, Ентальцева и Юшневская получили возможность возвратиться в Россию.

Примечание. Портреты Ивашевой, Розен, Трубецкой, Давыдовой, Фонвизиной и Нарышкиной воспроизводятся впервые³⁴. Считаю долгом выразить глубокую признательность Петру Александровичу Ефремову и Евгению Ивановичу Якушкину, предоставившим в наше распоряжение оригиналы из своих коллекций.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборник избранных работ П. Е. Щеголева характеризует его исторические и литературные взгляды, общественную позицию. В подобном составе работы исследователя публикуются впервые. Составитель стремился представить особенность творческого метода Щеголева, как синтез литературного и исторического поисков, становление в его творчестве исследовательской проблемы - "Русская литература и освободительное движение". Весь

материал представлен по двум разделам: в первом разделе помещены статьи, посвященные "первому революционеру" А. Н. Радищеву, "первому декабристу" В. Ф. Раевскому, А. С. Грибоедову и его роли в движении декабристов, А. А. Дельвигу, и воспоминания о Л. Н. Толстом. Во втором разделе - статьи, посвященные А. С. Пушкину и его роли в освободительном движении. Следует сразу же оговориться, что этот состав статей отнюдь не исчерпывает всего творческого наследия П. Е. Щеголева по данным вопросам. В этот сборник не вошли работы исследователя, посвященные Н. В. Гоголю, В. Г. Белинскому, И. С. Тургеневу и т. д. При включении в книгу статьи "Возвращение декабриста" удалось воспользоваться лишь публикацией из нее "Воспоминаний В. Ф. Раевского", бывших в распоряжении П. Е. Щеголева, и местонахождение которых сейчас не установлено.

Все статьи печатаются по тексту последних прижизненных публикаций исследователя (за исключением статей "Зеленая лампа" и "К истории пушкинской масонской ложи") и основными источниками являются сочинения П. Е. Щеголева ("Исторические этюды". Спб., 1913; "Декабристы". М. --Л., 1926; "Из жизни и творчества Пушкина". 3-е изд., испр. и доп. М. --Л., 1931). С целью приближения библиографического описания к современным издательским требованиям и в то же время стараясь сохранить авторскую манеру подачи материала, решено было, в ряде случаев, вводить редакторские и авторские уточнения, заключая их при этом в квадратные скобки. Во всех остальных случаях современное библиографическое описание дано в тексте комментариев. При публикации без оговорок исправлены явные опiski, опечатки. Слова и заголовки, дополняющие текст, заключены в угловые скобки.

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами; исключение составляют тексты публикуемых документов. Купюры, сделанные в свое время П. Е. Щеголевым, чаще всего по цензурным и редакторским соображениям, восстановлены в угловых скобках.

Все цитаты из сочинений и писем Пушкина приводятся по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений (Академия наук СССР). Т. I--XVI, 1937--1949, и т. XVII (справочный), 1959; т. II, III, VIII, IX - каждый в двух книгах - 1, 2; при отсылках в тексте даются том (римская цифра) и страница (арабская).

Впервые сделан перевод иноязычных текстов; при переводе пушкинских текстов было использовано академическое издание сочинений поэта.

О "РУССКИХ ЖЕНЩИНАХ" НЕКРАСОВА

В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов

Впервые опубликована - сб. "К свету". Научно-литературный сборник. Спб., 1904, с. 489-529. Правовой стороне, вернее, бесправной, положения жен декабристов и их детей Щеголев посвятил и последующий ряд своих работ, как, например, "Меры правительства, направленные к удержанию жен декабристов на родине и юридическое их положение в Сибири" в кн.: "Жены декабристов". Сборник историко-бытовых статей / Сост. В. И. Покровский. М., 1906, с. 7--17. В этом же сборнике им были опубликованы биографические очерки о Е. И. Трубецкой, К. П. Ивашевой, А. Г. Муравьевой и Е. П. Нарышкиной за подписью "Щеглятьев" (указание на авторство П. Е. Щеголева см.: Восстание декабристов. Библиография. Сост. Н. М. Ченцов, (редакция Н. К. Пиксанова. М. --Л., 1929, с. 180). Этим вопросам посвящены и другие его публикации: Мелочи быта (Неизданное). Милость для светлого праздника (газ. "День", 1914, No 94, 6 апреля) и Из истории декабристов (Отклики, 1914, No 27 - беспл. прилож. к газ. "День", 1914, No 62, 17 июня).

Благородный поступок жен декабристов, последовавших за своими мужьями в ссылку, всегда был в центре внимания исследователя. Накануне первой русской революции 1905 года Щеголев публикует статью, посвященную М. Н. Волконской-Раевской (Подвиг русской женщины. - Исторический вестник, 1904, No 5, с. 530--550). Эта статья стала этапной в творчестве историка, дала ему возможность позже осуществить издание воспоминаний этой героической женщины (см.: Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Автор биографического очерка и примечаний П. Б. Щеголев / Пер. с франц. оригинала А. Н.

Кудрявцевой. Спб., 1914; то же, 2-е изд., доп., с иллюстрациями и указателем собственных имен. Спб., 1914 и 3-е изд. - Мария Волконская. С. -Петербург: Парфенон, 1922).

С именем М. Н. Волконской связано и обоснованное утверждение Щеголева о том, что она является адресатом "Посвящения" к поэме А. С. Пушкина "Полтава", а также "утаенной любовью" поэта. Основываясь на данных текстологического изыскания, Щеголев пришел к выводу, что читаемая в черновом варианте строка "Сибири хладная пустыня" (строка "Твоя далекая пустыня") может быть адресована только М. Н. Волконской. Расшифровка в черновом же варианте строки "Как утаенная любовь" (в окончательном тексте "Как некогда его любовь") также дала возможность Щеголеву поставить и решить проблему "утаенной любви" Пушкина, связав ее опять же с именем М. Н. Волконской. Об этом см.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. - В кн.: Пушкин и его современники. Спб., 1911, вып. XIV, с. 53--193; *перепеч.*: Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы. Т. 2. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М. - Л., 1931, с. 150--254.

Дочери С. Г. и М. Н. Волконских историк посвятил биографический очерк "Дочь декабриста (памяти Е. С. Рахмановой)" - газ. "День", 1917, No 1, 1 января.

Щеголевым были опубликованы также воспоминания и П. Е. Анненковой (см.: Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. С портретами, иллюстрациями и приложениями). Птг., [1915]. Трагическим перипетиям любви и жизни французки Полины Гебль и декабриста И. А. Анненкова П. Е. Щеголев посвятил и свой сценарий фильма "Декабристы", который вышел на экраны в 1927 году. В 1926 году П. Е. Щеголев и А. Н. Толстой на эту тему написали поэму "Полина Гебль (Декабристы)" (см.: Новая Россия, 1926, No 1, январь, стб. 35--58; *перепеч.*: Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 11, с. 505--542). Эта поэма послужила первым вариантом либретто оперы Ю. А. Шапорина "Декабристы".

¹ Поэма Н. А. Некрасова "Русские женщины. Княгиня Трубецкая. Княгиня М. Н. Волконская" впервые опубликована - Отечественные записки, 1872, No 4, с. 577--600; 1873, No 1, с. 213--250; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1982. Т. 4. Поэмы. 1857--1877 гг., с. 123--186; комм.: 568--590.

² Стихотворение "Кн<ягине> М. Н. Волконской" написано А. И. Одоевским 25 декабря 1829 года в Чите. Опубликовано впервые - Библиографические записки, 1861, No 5, с. 132 по списку М. И. Муравьева-Апостола (в той же редакции и в "Записках" М. Н. Волконской). Написано по случаю дня ее рождения. Сама Волконская свидетельствовала, что стихотворение написано "в воспоминание того, как мы, дамы <жены декабристов> приходили в Чите к ограде и приносили заключенным письма и известия" (Болконская М. Н. Записки. Л., 1924, с. 58). Декабрист А. П. Беляев писал, что "наш милый поэт Ал. Ив. Одоевский воспел их <жен декабристов> чуднозвучными и полными чувства стихами" (Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Спб., 1882, с. 231). Сохранилось и свидетельство Н. В. Басаргина (Басаргин Н. В. Записки. Птг., 1917, с. 120). Об этом см. также: Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений, 2-е изд. Л., 1958, с. 87, 216. Библиотека поэта. Большая серия.

³ На этот сюжет П. Е. Щеголевым был опубликован биографический очерк "Судьба М. К. Юшневской: Из истории жен декабристов" (Отклики, беспл. прилож. к газ. "День", 1914, No 171, 26 июня, с. 4--6).

⁴ См.: Веневитинов М. Роман декабриста. - Русская мысль, 1885, No 10, с. 121--122. Письмо г-жи Ле-Дантю к г-же де-Санси от 30 марта 1830 года.

⁵ См.: Император Николай I и семейство декабриста Ивана Александровича Анненкова. - Русская старина, 1901, No 3, с. 673--674. Прощение П. Е. Анненковой от 16 мая 1827 года.

⁶ См.: Розен А. Е. Записки декабриста. / Под ред. П. Е. Щеголева. С портретом и приложениями. Спб., 1907, с. 153.

⁷ См.: Шенрок В. И. Одна из жен декабристов. - Русское богатство, 1894, No 11, с. 103.

⁸ Там же, с. 104--105.

⁹ См.: Русское богатство, 1894, No 11, с. 102--103.

¹⁰ См.: Записки княгини Марии Николаевны Волконской. С предисл. и прилож. издателя князя М. С. Волконского. *Mémoires de la Princesse Marie Volkonsky. Préface et appendices par l'éditeur prince M. Volkonsky.* Спб., 1904.

¹¹ См.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1903, т. 1, с. 343.

¹² Там же, с. 458.

¹³ Имеется в виду мать Е. П. Нарышкиной, Коновницына Анна Петровна.

¹⁴ См.: Шильдер Н. К. Указ. соч., с. 779--780.

¹⁵ Елена Александровна Бестужева, старшая сестра братьев-декабристов, в 1845 году, после смерти матери, ликвидировала имущество и вместе с сестрами, Ольгой и Марией, приехала в Селенгинск, где и пробыла до 1858 года, умерла в Москве.

¹⁶ В 1821--1835 годах иркутским губернатором был Цейдлер И. Б.

¹⁷ См.: Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений и писем, т. 4, с. 137--139, 144, 145, 147.

¹⁸ См. там же, с. 137, 147.

¹⁹ См.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи, с. 33.

²⁰ См.: Апухтины Д. А. и М. П.

²¹ С 1820 года московским генерал-губернатором был князь Д. В. Голицын.

²² Речь идет о сыне С. Г. и М. Н. Волконских - Николае Сергеевиче, родившемся в январе 1826 года и умершем 17 января 1828 года. Мария Николаевна Волконская узнала о смерти сына, которого ей не разрешили взять с собой в Сибирь, лишь в начале 1829 года. Ребенок был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. В феврале 1829 года по просьбе деда, генерала Н. Н. Раевского, А. С. Пушкин написал надгробную эпитафию:

Эпитафия младенцу.

В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца. (III, 95)

В письме к отцу от 11 мая 1829 года М. Н. Волконская писала: "Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию на моего дорогого ангела, написанную для меня. Она прекрасна, сжата, но полна мыслей, за которыми слышится так много. Как же я должна быть благодарна автору!.." (См.: Волконская М. Н. Записки. Л., 1924, с. 54).

²³ С 1845 года тобольским гражданским губернатором был К. Ф. Энгельке.

²⁴ В данном издании эти портреты не воспроизводятся.

